

Пуртова Т.О.

ORCID 0000-0001-7078-0493

Екатеринбург, Россия

E-mail: purtova.to@yandex.ru

УДК 821.161.1-1(Брюсов В.)

DOI 10.26170/ufv19-04-10

ТАНКИ И УТЫ В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Аннотация. Статья посвящена специфике японских жанров лирики в поэзии Валерия Яковлевича Брюсова. Поэт принадлежал к такому литературному течению как символизм, одной из его задач было расширение культурного кругозора русской поэзии, отсюда и его страсти к традициям различных культур. Малые формы японского стихосложения у Брюсова ещё не являлись предметом специального рассмотрения литературоведов. Но это тема весьма ценна – без нее читатель не может понять в полной мере особенности творческой индивидуализации Валерия Брюсова. В статье изложены специфические особенности жанра «танка» и «ута», а также представлен анализ стихотворений Брюсова, написанных в этих жанрах, который, несомненно, приводит к выводу о том, что поэт переосмысляет японскую традицию по-своему.

Ключевые слова: лирические жанры; танка; ута; русская поэзия; символизм; стилизация

Purtova T.O.

Ekaterinburg, Russia

TANKA AND UTA IN POETRY OF VALERY BRUSOV

Abstract. This article is devoted to particularity of Japanese lyrical genres in Brusov's poetry. The poet worked in such literary trend as symbolism and one of his aims was to enlarge cultural reserve of the country. As a result he had strong interest to traditions of different cultures. However, small forms of Japanese versification were not in focus of literary critics. This theme is very important. Haven't known it a reader can't understand all the peculiarities of author's literary mastery. This article states forth specific features of "tanka" and "uta" genres. There is analysis of Brusov's poems written according to these genres. It makes us draw a conclusion that the poet rethinks Japanese tradition on his own manner.

Keywords: lyrical genres, tanka, uta, Russian poetry, symbolisms, stylisation

Писатели-символисты расширили культурный горизонт русской поэзии, используя при этом традиции самых разных, подчас экзотических культур. И Валерий Брюсов – не исключение. Его творчество отличалось своего рода «энциклопедизмом» [Гиндин 2001: 3-62]. Брюсов использовал самые разные национальные традиции, писал в самых причудливых жанрах. В том числе, привлекла его и такая самобытная поэтическая культура, как японская. Предметом рассмотрения в данной статье являются жанровые модели танки и уты в творчестве поэта. Цель исследования – выяснить, являются ли эти жанровые модели в творчестве Брюсова только подражанием, искусной стилизацией, или автор сумел выразить свою творческую индивидуальность в этих экзотических для русской поэзии формах.

Мы опираемся на принципы жанрового анализа, основные положения компаративистики, используем приемы анализа стихотворного текста.

Танка, наряду с утой, является национальной формой японского стихосложения. Отличия двух этих жанров минимальны для восприятия русского человека. Для японца же эти стихи невозможно рассматривать как один жанр.

А. Квятковский писал по поводу структуры японских пятистиший танка, что это «...древняя национальная форма пятистрочного стихотворения в японской поэзии, без рифм и без ясно ощутимого метра; в первой и третьей строках танки по пяти слогов, в остальных – по семи,

всего, таким образом, в танке 31 слог» [Квятковский А., 1996, с.301]. Обычно в первых трех строках выражена главная мысль автора, представлен какой-либо образ, чаще всего образ природы, в остальных же двух – показано ощущение человеком этого образа, те чувства и эмоции, которые охватывают поэта, когда он видит этот образ.

Из-за специфического построения танки, которая отчетливо делится на две части (первое трехстишие и последнее двустишие), нередко получалось так, что начинал танку один поэт, а заканчивал уже другой. В составленных по такой схеме стихах может содержаться 50 или 100 строчек. Это называется «нагаута» – длинная поэма. И первая, вступительная часть к нагаута, своего рода введение в иной японский стихотворный жанр, называется утой. Со временем «ута» отделилась от «нагауты» и стала отдельным самостоятельным жанром со своими структурными и содержательными особенностями.

Что касается уты, то структура ее будет такой же, как и у танки. Но зачастую авторы в этом жанре не выдерживали строгую пятистрочную японскую форму, желая достичь полноты выражения в содержании. Т.И. Бреславец отмечает, что для японцев в этом жанре важен был «...приоритет содержания над формой» [Бреславец 1994: 22]. Однако смысловые стороны жанров танка и ута будут существенно отличаться. Дословно «ута» переводится с японского языка как «песня». В своей работе «Введение в японскую поэзию» (X век) Кино-Цураюки отмечает особенные черты этой песни: «...проникновенное переживание, окрашенное печалью, его непосредственность, достоверность и полнота. Избыточность переживания ведет к поэтике намек и недосказанности» [Бреславец 1994: 21].

Постепенно в истории японской поэзии форма нагаута пришла на смену танке. И в этом жанре писали и пишут до сих пор японские поэты, такие как Сино Сайгё, Есано Акико, Такубоку Исикава, сохраняя те же особенности его структуры и содержания.

Танки и уты, в основном, относятся к пейзажной лирике. Большинство этих стихов посвящены именно красоте природы. Вместо излюбленного европейского культа «прекрасной дамы» в Японии существовал культ природы. Любовная лирика тесно переплетается с пейзажной, чувства переданы через природные явления и объясняются воздействием именно природы. Еще японский поэт X в. Кино-Цураюки говорил, что танка, это поэзия, «корни которой – в человеческом сердце».

В XX веке в Европе пробудился огромный интерес к этим японским жанровым формам. И Россия – не исключение. Многие поэты пытались создавать стилизации малых японских жанров. Одним из них был Валерий Яковлевич Брюсов.

Валерий Брюсов проявлял интерес к поэзии разных стран мира. В своем большом цикле «Сны человечества» он обращается к стихам и традициям многих народов. Это и песни первобытных племен, и оды в духе Горация, и подражания испанской, французской, итальянской песне, и лирика многих других стран. В числе тех народов, стихи которых пытался стилизовать В. Я. Брюсов, есть и японский. Он выделил жанру танка и хокку целый раздел «Япония», а также посвятил им раздел в дополнениях «Японские танки и ута». Всего, таким образом, Брюсов написал двенадцать «японских» текстов.

Стоит отметить, что обращение к такому количеству жанров, желание стилизовать столь различные традиции говорит о том, что Валерий Брюсов подходил к этому скорее рассудочно, нежели с живым, непосредственным чувством. Цель своей стилизации он видел не столько в погружении в атмосферу эпохи, в проникновении в душу народа, сколько в самом факте стилизации. Брюсов довольно органично и артистично создавал свои стихи, но не потому, что те или иные традиции были близки ему по духу. Даже Цветаева в своем эссе пишет: «Нет, Брюсов удовлетворяет вполне, дает все и ровно то, что обещал, из его книги выходишь как из выгодной сделки – и, если чего-нибудь не хватает, то именно – неудовлетворенности» [Цветаева 1991: 124].

Обратимся к анализу стихотворений, написанных Брюсовым в жанре танка и ута. Так, одно из его наиболее удачных стихотворений в жанре «танка», по мнению таких литературоведов, как Т.И. Бреславец, В.Н. Маркова, было написано в 1913 году:

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!
[Брюсов В. 1973, с. 388]

Стоит сразу отметить, что здесь Валерий Брюсов четко выдержал слоговой ритм, заданный японской традицией и свойственный танке (5-7-5-7-7). Однако в стихотворении присутствует рифма, хотя и неточная, несмотря на то, что японская танка не предполагает рифмы, и написано оно разностопным хореем с пиррихиями, что тоже соответствует русской литературной традиции. Но не стоит забывать, что русская форма стиха существенно отличается от японской, и что восприятие русским человеком классической танки крайне непривычно. Если следовать всем канонам японской традиции, ритмическая структура текста станет тяжелой для восприятия русским читателем.

Образы, которые возникают в данном стихотворении – снег и цветы вишни, – излюблены японскими поэтами. Цветение сакуры ча-

сто изображал в своих стихах знаменитый японский поэт – Мацуо Басё, также к этому образу обращались и Ки-но-Цураюки, и Сайгё, и многие другие известные японские певцы. Примером подобному обращению может послужить знаменитое хокку Мацуо Басё:

Минула весенняя ночь.
Белый рассвет обернулся
Морем вишен в цвету.
(1644-1694)

Реже, но все же писали они и о снеге как о явлении природы, которое наполняют душу светлыми чувствами:

А ну скорее, друзья!
Пойдем по первому снегу бродить,
Пока не свалимся с ног.
(Мацуо Басё)

Японцы видят красоту в образах природы, отсюда это частое обращение к специфическим явлениям того или иного времени года.

Однако у русского и японского народа эти символы выступают с разными ассоциациями. Снег для японцев имеет двойное значение. С одной стороны, это источник морозов, холода. Если он пошел, значит, наступили сильные холода. А в тех частях страны, где снег зимой идет постоянно, он мокрый и липкий, отчего становится зябко и неприятно. С другой же стороны, японцы видят в снежинке хрупкое, изящное и очень красивое создание. И в этом проявляется их способность видеть детали, находить в них что-то прекрасное и даже мистическое.

Нечто подобное происходит и с образом вишни. Известно, что для японцев сакура – это, прежде всего, красота цветения. Они восхищаются именно её цветами. Однако для лирического субъекта в стихотворении Брюсова большую ценность несут плоды вишни: он не столько любит нежной красотой цветения, сколько жаждет «плодов» любви.

Так, для сравнения можно привести в пример танку Ки-Мо Томонори (перевод В. Марковой):

«Цветы вишни,
Что, (верно), цветут там,
По склонам гор Ёсино,
Принял я, обознавшись,
За снег»

В нем мы наблюдаем то же сравнение цветения вишни с лежащим снегом. Как писал Цутида Кумико: «Цветы вишни – образ реальный, а снег – воображаемый. Снег идет зимой, а вишня расцветает весной.

Перемешав реальный и воображаемый образы, зиму и весну, поэт создает красивую, очаровательную картину»^{**}.

У Брюсова тоже присутствует это сравнение. Однако в последних двух строчках он говорит уже о плодах вишни: «Ах, когда б моя любовь /Дожила и до плодов». Несомненно, автор намеренно приводит такую метафору, подчеркивая эту разницу японской и русской традиции. Очевидно их различное отношение к времени. Японский автор совмещает весну и зиму, как бы уничтожая движение времени, у него миг цветения включает весь год, весь природный круговорот. Брюсов же явно намечает длительный, непреложный ход времени: пройдет весеннее цветение, будет долгий процесс созревания, потом наступит пора «осенних» плодов, а далее, со всей роковой неизбежностью, наступит «зима», то есть смерть чувства. В японском стихотворении мы наблюдаем больше пейзажного и светлого, в стихотворении Брюсова – больше личного стремления лирического субъекта, выражение его желания.

И, исходя из этого, можно сделать вывод, что эта танка, написанная Брюсовым, является своего рода диалогом японской и русской культур, попыткой их слияния – при сохранении неизбежного различия.

Помимо японских пятистиший «танка» Валерий Брюсов пробовал себя в написании «ута», еще одного жанра японской поэзии. Так, в цикле «Сны человечества» он публикует одно из них:

По небу тучи ходят, крутятся,
Потом исчезают.
На том же месте неподвижные горы.
Над жизнью дни проходят, крутятся,
Как небесные тучи.
В сердце на том же месте единое горе
[Брюсов В. 1973, с. 388]

Стихотворение делится на две части (первое и второе трехстишие) по смыслу, что соответствует древней японской традиции написания «ренга», которое относится еще к XIV-XVI векам. Его можно отнести к такому виду песни, как «Надзураэ-ута» (песня-уподобление). Как пишет Т.И. Бреславец, «так названы песни, содержащие уподоблению чему-либо, сравнение, иносказание, намек» [Бреславец, 1994: 25]

Примером подобной песни-уподобления может послужить японская ута неизвестного автора, переведённая А.Е. Глускиной:

«Скрытой в коконе всегда,
Грустно куколке червя,

^{**} http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sib-japan/6.htm

Что вскормившая меня выкормила мать моя,

Грустно сердцу моему –

Ведь не вижу я тебя!»

[цит. по: Бреславец 1994: 24]

В этом стихотворении, по мнению Т. И. Бреславец, «...косвенное сравнение, характерное для надзураэ-ута, образуется с помощью приёма дзё (введение), основанного на образном параллелизме, и используется ведущий принцип надзураэ-ута – уподобление» [Бреславец 1994: 24].

В стихотворении Брюсова мы наблюдаем противопоставление динамичных (непостоянных) туч, которые несёт и разгоняет («крутит») ветер, и неподвижной горы. То есть противопоставление неба и земли, лёгкости и тяжести. В сознании читателя разворачиваются ассоциации-уподобления: дни жизни быстро бегут, разнообразные, быстро сменяющие друг друга, а горе в сердце остается постоянным. Переживание лирического субъекта в этой уте, как и в танке, проанализированной выше, остается на первом плане, доминирует над пейзажной зарисовкой.

А.Н. Веселовский в своей работе «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» отмечал: «Мы невольно переносим на природу наше самоощущение жизни, выражающееся в движении, в проявлении силы, направляемой волей; в тех явлениях и объектах, в которых замечалось движение, подозревались когда-то признаки энергии, воли, жизни» [Веселовский 1989: 6] Эта закономерность наблюдается и в анализируемой нами уте. Это одна из главных черт японской лирики вообще – сопоставление явлений природы и чувств человека. Только японские авторы, наблюдая за теми или иными природными явлениями, проникаются ими, от этого рождаются чувства в их душе. А у Брюсова же, наоборот, мы видим понимание природы сквозь призму человеческих переживаний, лирический субъект является центральным, организующим началом стихотворения.

Характерно различие в понимании времени: брюсовская трактовка течения времени не совпадает с пониманием времени в японской философской мысли. Время в стихотворении поэта – своего рода «прямая», устремлённая из прошлого в будущее, которая не имеет ни начала, ни конца. И мы видим эту всеобъемлемость времени в данном стихотворении: «Над жизнью дни проходят, крутятся,/ Как небесные тучи. / В сердце на том же месте единое горе». Точно так же в стихотворении о цветении вишни, подобном первому снегу, последние строки намечают временную перспективу в будущее: в лето, осень и зиму.

В японской же традиции иное понимание времени. Мозговая Т.И. в своей статье писала о времени в философии синтоизма: «Время в синтоистском представлении всегда есть «теперь» (яп. – «нака-има» –

время между прошлым и настоящим). Снять измерение с пространства и времени – этой цели подчинено и дзэнское искусство» [Мозговая 2012: 154]. Отсюда следует, что вечность, в понимании японцев, ощущается как отдельное мгновение, постичь которое значит постичь её целиком.

Исходя из анализа текста, можно сделать вывод, что Брюсов, создавая свои танки и уты, отходит от традиции японского постижения мира, привнося в стихи свои, специфические черты. На основании этого можно сказать, что Валерий Брюсов переосмыслил японскую традицию, внося что-то важное и характерное для своей творческой индивидуализации, в частности, ощущение горечи от неумолимого хода времени, желание утвердить свое «я».

ЛИТЕРАТУРА

Бреславец Т.И. Очерки японской поэзии IX-XVII веков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 237 с.

Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7-ми томах. Под общей ред. П.Г. Антокольского. Т. 2. М. «Худож. Лит.», 1973.

Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы отражения поэтического стиля // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. М., «Высшая школа», 1989.

Гиндин С.И. Валерий Брюсов / С.И. Гиндин // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 3-62.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1996. – 587 с.

Мозговая Т.А. Небытийная природа времени в японской духовной традиции // Вестник ВГУ. Киев, 2012.

Цветаева М.И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. – 479 с.

REFERENCES

Breslavets T.I. Ocherki japonskoy poesii IX-XVII vekov. M.; Izdatelskaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1994. – 237s.

Brusov V.Y. Sobr. soch.: v 7-mi tomah. Pod obschey red. P.G. Antokolskogo. T. 2. M. “Hudozh. Lit.”, 1973.

Veselovskiy A.N. Psichologicheskij parallelizm I yego formi otrazhenia poeticheskogo stila // A.N. Veselovskiy. Istoricheskaya poetika. M., “Visshaya shkola”, 1989.

Gindin S.I. Valeriy Brusov / S.I. Gindin // Russkaya literatura rubezha vekov (1890 – nachalo 1920-h godov). M.: IMLI RAN, Nasledie, 2001. s. 3-62.

Kvatkovskiy A.P. Poeticheskiy slovar. M.: Sov. Encikl., 1996. – 587 s.

Mozgovaya T.A. Nebitiynaya priroda vremeni v yaponskoy duhovnoy tradizii // Vestnik VGU. Kiev, 2012.

Zvetaeva M.I. Об искусстве. M.: Искусство, 1991. – 479 с.

Науч. руководитель: Барковская Н.В., д. филол. наук, проф.

Данные об авторе

Пуртова Татьяна Олеговна – студент третьего курса филологического факультета Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26.

E-mail: purtova.to@yandex.ru

Author's information

Purtova Tatyana Olegovna – 3rd year student of Philologic Department of Ural State Pedagogical University.